

ДИСКУРС ИДЕОЛОГИИ В ПОГРАНИЧЬЕ

КЕЙС 1: БЕЛАРУСЬ¹

Валерия Кораблева²

Abstract

The article represents a part of the investigation of the academic discourse of ideology in Belarus and Ukraine. Despite the fact that it deals with the ideological situation in Belarus only, the comparative basis allows keeping Ukraine as a blind point of reference, emphasizing the points relevant to the study in general. The research grounds on the methodology of *depth hermeneutics* by J.B. Thompson. The study was conducted in two stages: 1) *social analysis*, considering present symbolic spaces, producing ideological discourses, their social nodes (actors and social structures), and the forms of their interaction; 2) *discourse analysis*, implying work with texts and narratives. Both phases were accompanied by qualitative hermeneutical procedures.

The results concerning Belarus showed almost *total ideologization of the discourse of ideology*: “ideology” is perceived as a practical phenomenon (even within the academic field) rather than a scientific problem. The key player in the ideological sphere, providing crucial impact on the discourse of ideology (both organizational and substantial), is the president, whose ideas are developed and disseminated in academic and methodical works.

The rehabilitation of the concept of ideology in contemporary Belarus is inscribed in the broader trend of *resovietization* which is partial, being implemented institutionally not mentally. The ambivalence of the Belarusian state ideology is revealed.

Keywords: discourse of ideology, ideological situation, recipients of ideology, symbolic space, façade resovietization, depth hermeneutics.

Теоретико-методологические основания исследования дискурса идеологии

Понятие «идеология» принадлежит сегодня к числу наиболее неоднозначных и содержательно нагруженных терминов социогуманитарного дискурса. Как отмечает

¹ Исследование реализовано на грант Центра передовых исследований и образования «CASE» при финансовой поддержке Центра Карнеги, Нью-Йорк, и административном содействии Американских советов по международному образованию (ACSTR/ACCELS).

² Валерия Кораблева – доктор философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных наук Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (г. Киев, Украина).

Т. Иглтон, идеологию в XX в. хоронили дважды³: политические правые во главе с Д. Бэллом и его декларациями «конца идеологии» в результате окончания холодной войны, затем – политические левые (постмодернисты), предложившие деконструкцию традиционных современных концептов как устаревших, телеологичных, логоцентричных, метафизически обоснованных. Общий знаменатель обозначенных стратегий – акцент на конкретно-историческую ангажированность понятия «идеология», его вписанность в проект Модерна. Соответственно, значительные социальные трансформации второй половины XX века, которые могут быть обозначены как «постмодерн», «поздний модерн», «информационное общество», «постиндустриальное общество» и т.д., привели к его деактуализации, существенному снижению эвристического потенциала понятия «идеология» (по крайней мере, в его классическом истолковании). Впрочем, общая тенденция деидеологизации довольно быстро сменилась тенденцией реидеологизации. Реконструкция идеологического дискурса – от А. Дестюта де Траси до современных авторов – позволяет выявить значения понятия, маргинальные с точки зрения «классического» марксистского подхода, но актуальные в изменившихся социокультурных условиях. Особое значение приобрели идеи А. Грамши и Л. Альтюссера, которые – в контексте *linguistic turn* современной философии – легли в основу социосемантического поворота в исследовании идеологии. Средой существования идеологии (и объектом исследования соответственно) сегодня признается язык, культурные и социальные практики, что позволяет диагностировать значимый сдвиг от политических к социокультурным интерпретациям (П. ван Дайк, С. Жижек, Ст. Холл и др.).

Постсоветское интеллектуальное пространство проявляет свою специфику применительно к идеологической проблематике. С одной стороны, существует смысловая привязка идеологии к советскому прошлому, налагающая негласное табу на артикуляцию данного концепта в современном контексте, с другой – происходит рецепция идей западной социогуманитаристики, часть которых представлена идеологической тематикой. Это формирует амбивалентность идеологических теорий и практик, демонстрирующих чувствительность к политической конъюнктуре. Более того – идеологическая проблематика на постсоветском пространстве предстает лакмусовой бумажкой для геополитических стратегий, отражающей векторы цивилизационного выбора конкретных стран и регионов.

Цель данного исследования – компаративный анализ современного дискурса идеологии в Беларуси и Украине. При этом фокус внимания сосредоточен на академическом дискурсе, который анализируется двояко – как теория идеологии и *одновременно* как идеологическая практика. С одной стороны, ставится задача выявить, как

³ T. Eagleton: *Ideology: an Introduction*, London: Verso 1991, xiii.

в современной социогуманитарной науке обозначенных стран теоретизируется и концептуализируется идеология: как соотносятся научная инерция (сохранение советского теоретического наследия) и рецепция западных идей, не представленных в корпусе социогуманитарных текстов советского периода. С другой стороны, современный академический дискурс идеологии рассматривается как социальная практика, имеющая существенные идеологические эффекты⁴. При этом данные эффекты могут иметь эндо- и экзогенный характер, влияя на определенное научное сообщество (коммуникативный и ситуативный идеологический эффект), а также на социальные группы, внешние по отношению к «академии», другие социальные институты (прежде всего СМИ) и на общество в целом (эпистемологический идеологический эффект).

Следует отметить избранную исследовательскую оптику, имеющую социально-философский характер, что обосновывает:

- 1) деаксиоматизацию содержательного наполнения понятия «идеология»;
- 2) предельно широкий социальный контекст исследования, по отношению к которому сфера политического предстает субординированной;
- 3) акцент на качественные исследовательские процедуры герменевтического толка.

Релевантной обозначенному подходу и предмету исследования представляется методология *глубинной герменевтики*, предложенная Дж. Б. Томпсоном⁵. Согласно данной стратегии, исследование дискурса идеологии предполагает три основные процедуры:

- 1) *социальный анализ*, нацеленный на изучение социально-исторического контекста – с последовательным выделением ключевых субъектов, институций, структурных правил;
- 2) *дискурсивный анализ*, предполагающий анализ лингвистических конструкций – нарративов, их элементов и взаимных корреляций (синтаксис);
- 3) собственно *интерпретация* (свободная, творческая, неформализованная).

Предлагаемое исследование будет структурировано на два этапа: социальный и дискурсивный анализ соответственно, при этом каждый этап будет сопровождаться интерпретативными процедурами. Данная публикация посвящена исследованию символического пространства Беларуси сквозь призму идеологии белорусского государства как теоретической и практической проблемы.

⁴ R. Boudon: *The Analyses of Ideology*, Transl. by M. Slater, Cambridge: Polity press 1989.

⁵ J.V. Thompson: *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*, Cambridge: Polity Press 1990.

Белорусское академическое пространство: структура и специфика

Изложение результатов данного исследования применительно к Беларуси следует предварить важными вводными замечаниями, связанными с отсутствием до начала исследования существенного предпонимания ситуации в стране. До 2012 года у автора не было персональных и профессиональных контактов с данным регионом, что имеет двоякие последствия. Учитывая продолжительность исследования (не являющегося лонгитюдным), его результаты могут показаться представителям страны поверхностными и наивными. С другой стороны, отсутствие пресуппозиций относительно идеологической ситуации в Беларуси обуславливает *исключенность из сферы* так называемого *здорового смысла* (и возможность ее анализа «извне»), которая – с точки зрения современных концепций – как раз и формируется идеологически, искусственно задавая зону общественного консенсуса. Таким образом, ситуативное погружение автора в культурное пространство, включенное наблюдение, не отягощенное предустановками, и попытка последующей реконструкции идеологической ситуации методологически подобны *социально-антропологическим* исследованиям. Полученные результаты отнюдь не претендуют на всеохватывающий характер, но предлагают альтернативную точку зрения, потенциально комплементарную существующим исследованиям. При этом мы исходим из убеждения, что множественность ракурсов исследования предмета способствует более полному описанию проблемы.

Второе важное замечание, связанное с данным участком работы, состоит в том, что вынужденные *отклонения от плана* исследования касательно Беларуси сами по себе выступают его *значимым результатом*. Так, в качестве эмпирической базы предполагались различные академические тексты – диссертации и учебные пособия. В ходе исследования выяснилось, что такая база является недостаточной, в первую очередь в силу ее гомогенности и неинформативности. Поэтому были включены формально внешние (относительно научной сферы) источники, в первую очередь – тексты докладов Президента А.Г. Лукашенко. Рекуррентная отсылка к данным текстам содержалась как в учебниках и прочих методических материалах по «Основам идеологии белорусского государства», так и в проведенных интервью. Именно они представляются подлинными *первоисточниками*, задающими ракурс и содержательное наполнение дискурса идеологии в стране. Это позволило сделать вывод, что *ключевым субъектом идеологической сферы (в том числе академической!) в Беларуси является Президент*, шире – выстроенная им идеологическая вертикаль, венчаемая профильным управлением Администрации Президента.

Другое изменение было связано с дополнительными исследовательскими процедурами, призванными восполнить нехватку информации, получаемой из письменных источников. Изначально было запланировано проведение серии полуструктурированных

интервью с целью корректировки и дополнения проводимого контент-анализа академических текстов. Предполагалась работа с тремя группами респондентов, предположительно представляющими разные уровни идеологического дискурса: 1) «генераторы» – признанные эксперты, авторы соответствующих учебных пособий; 2) «трансляторы» – преподаватели высшей школы, призванные распространять санкционированные государством идеи; 3) «реципиенты» – студенты высших учебных заведений, успешно освоившие учебный курс «Основы идеологии белорусского государства». Главная организационная сложность была связана с категорическим отказом респондентов-преподавателей от фиксации интервью – технической (диктофон) или стенографической, даже на условиях анонимности. Беседа со студентами была проведена только после получения санкции руководства соответствующих факультетов. «Эксперты», в принципе, неохотно шли на диалог, ограничиваясь общими фразами и отсылая к своим печатным работам. В результате социологические техники и методики были трансформированы в антропологические (глубинные интервью), процедуры генерализации – в процедуры индивидуализации. Это подтверждает вывод о *неавтономности научной сферы*, ее внешнем регулировании, *подчинении научного этоса государственному ному*, отсутствии межличностного доверия по «горизонтали» (наиболее откровенны в беседах были студенты, в то время как коллеги-ровесники подозревали «нечистую игру» – скрытую запись). Содержательно были выделены два проблемных кластера, к которым проявили чувствительность респонденты: дискурс идеологии (его структура и функции) и состояние социогуманитарных наук в целом. Причем предмет данного исследования, находясь на пересечении обозначенных проблемных полей, оказался эвристичным инструментом для анализа более широкого спектра явлений. Опрошенными была отмечена узость круга и взаимосвязанность людей, репрезентирующих белорусскую «академию». Все эксперты локализованы в определенном хронотопе, представляют примерно одно поколение и несколько ключевых институций, в той или иной форме сотрудничающих друг с другом. Неявно предполагается, что существует некая «*монополия на науку*» достаточно узкого круга лиц, контролирующих вход/выход новых персоналий. При этом отмечается, что подавляющая часть профессуры получила научные степени еще в советское время и смены научных поколений в социогуманитаристике не происходит: фактически отсутствует «среднее поколение» так называемых молодых докторов. Значимым фактором, влияющим на содержательное наполнение научного продукта, является государственная «*цензура*» на предмет злободневности и актуальности, под которой зачастую понимается практическая применимость («заземление теории») и соответствие «официальному курсу» страны. Влиятельным субъектом научной сферы считается экспертный совет ВАК, который выступает государственным «*фильтром*» – инструментом борьбы

против свободомыслия и автономии вузов⁶. Существенный процент защищенных диссертаций не проходит именно этот этап: «Успешно защититься в спецсовете – еще ничего не значит».

Основные институциональные игроки научного поля довольно предсказуемы: ведущие вузы и соответствующие институты Академии наук. Специфика – по сравнению с Украиной – состоит в следующем:

1) уже отмеченная выше явная подотчетность государственным структурам, большая неавтономность научных изысканий;

2) существенно меньшее количество вузов, профильных изданий, их локализация в столице, что приводит к более тесному взаимодействию внутри профессионального круга и, как следствие, более четкому внутреннему контролю над символическим пространством;

3) неоднозначный статус БГУ, который, с одной стороны, имеет солидные научные традиции и занимает высокие позиции в международных рейтингах, являясь ключевой научной площадкой страны, с другой – имеет репутацию не совсем «благонадежного», потенциального источника инакомыслия, что отчасти может быть объяснено уходом бывшего ректора в политическую оппозицию, а также подготовкой кадров для опального ЕГУ, но этими случаями не исчерпывается.

Интересную картину представляет распределение акторов по социально-политическим ориентациям. Академическое пространство имеет два четко выраженных полюса, типичных для постсоветской ситуации: официальный истеблишмент, занимающий ключевые позиции в научных институтах и ориентированный на идеологическую позицию руководства страны, и «прозападная» альтернатива, ориентированная на международные стандарты, что выражается в источниковой базе, финансировании и основополагающих принципах. Специфика белорусской ситуации, на наш взгляд, состоит в следующих моментах:

– националистические идеи локализованы в «прозападном секторе», что может быть интерпретировано как ситуативное объединение в борьбе против сильной контрпозиции;

– перманентные попытки государственного аппарата гомогенизировать научное пространство посредством практик **исключения** альтернативы – символических и физических.

Последний пункт требует более пространственных комментариев. Наиболее показателен в данном контексте пример ЕГУ, образованного в 1992 г. как «принципиально иное по своему характеру высшее учебное заведение, ориентированное на приобщение к ценностям европейской культуры»⁷ и де-факто ставшего не только университетом, готовящим специалистов по западным образцам,

⁶ Отмечу, одним из первых вопросов, задаваемых мне разными коллегами, был: «Кто у вас в Украине сейчас возглавляет экспертный совет по философии?», что иллюстрирует действие механизма переноса.

⁷ А. Михайлов: Письмо ректора // *Европейский гуманитарный университет. Новая история*, Вильнюс: ЕГУ 2009, 3.

но и наиболее успешной материализацией нарождающегося гражданского общества. Симптоматично то, что после физического исключения ЕГУ из белорусского пространства в 2004 г. (университет прекратил свое существование на территории Беларуси) продолжают перманентные практики его символического исключения. Так, в интервью 30-летние коллеги (один – перспективный кандидат философских наук, доцент из БГУ, второй – выпускник философского факультета БГУ, старший преподаватель в Академии управления при Президенте) признались, что для них *лишено смысла* любое сотрудничество с ЕГУ, поскольку опубликованные в издательстве ЕГУ работы (в том числе и статьи в реферируемых научных изданиях!) *не засчитываются* при всевозможных аттестациях, конкурсах на премии, звания и должности. Таким образом, данные формы деятельности не запрещены, но ученые к ним не мотивированы. Симптоматично, что при вопросе о современной философской и социогуманитарной литературе, ее освоении и представленности в научных работах и учебных программах респонденты ответили: «Это Вам надо в ЕГУ – они у нас самые продвинутые, всегда держат руку на пульсе интеллектуальной моды!» На вопрос, почему бы не следовать этой «моде» в своей академической практике, интервьюируемые отметили, что это «не нужно», «не поощряется» и вообще «чрезмерная инициатива наказуема». *Конформизм и безынициативность* фигурируют как наиболее безопасная и даже выигрышная жизненная стратегия ученого, желающего сделать карьеру в Беларуси.

Ключевой особенностью белорусской ситуации представляет *частичная ресоветизация на фоне падения престижа социогуманитарных наук* (философии в особенности). С одной стороны, СССР провозглашается образцом социально-политического устройства страны: «Вряд ли <...> найдется хоть один человек, который будет оспаривать неоспоримое: что Советский Союз мы разрушили зря, и это была катастрофа»⁸. С другой стороны, ресоветизация, не только декларируемая, но и ощущаемая и воспринимаемая отечественными и зарубежными наблюдателями, является неполной. В нашем контексте значимым отличием СССР от современной Беларуси выступает то, что последняя не является идеократическим государством. Если в Советском Союзе философия была идеологическим механизмом манипулирования общественным сознанием и считалась ключевым элементом системы высшего образования, призванным служить фильтром приверженности политической системе (в частности как обязательный кандидатский минимум для будущих ученых), то в современной Беларуси идеологическая функция не опосредуется научной сферой (даже в ее редуцированной, идеологизированной версии), а возлагается на «среднее звено» – идеологических работников («штучный товар»⁹),

⁸ А. Лукашенко: *Беларусь в современном мире*: Выступление Президента Республики Беларусь на встрече со студентами и преподавателями БГУ (Минск, 12 февраля 2008), Минск: БГУ 2008, 9.

⁹ А. Лукашенко: *О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию* // Материалы постоянно действующего семи-

педагогов в широком смысле, призванных не столько готовить специалистов, сколько формировать подлинного гражданина¹⁰, и, наконец, на журналистов. Как, вполне в русле тенденций информационного общества, заявил Президент А. Лукашенко: «В идеологии профессию журналиста заместить трудно, а средства массовой информации – невозможно»¹¹.

Отношение власти к философии лучше всего может быть охарактеризовано известной фразой министра просвещения царской России князя П.А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Ответная реакция философского сообщества в государственных вузах состоит в обосновании научности философии (очевидно, срабатывает историческая память о логике и методологии научного познания как наименее ангажированной сфере философского знания) и делегировании идеологических функций социально-политическим дисциплинам. «Неофициальная» часть философского сообщества часто формирует те самые «очаги свободомыслия». Так, уже упомянутый ЕГУ был создан усилиями философов, как и современные платформы альтернативных обсуждений («Новая Еуропа», «Архэ»). Симптоматично, что альтернатива официальной идеологии формируется не теоретически, а практически, и идеи, оппозиционные официальному «мейнстриму», излагаются не столько в профессиональных изданиях, сколько в отмеченных медиа. Это можно объяснить стремлением, с одной стороны, к максимальной эффективности, скорости действия, с другой – к охвату широкой аудитории, что достигается «балансом между экспертным знанием и популярностью материалов»¹². Однако же медиа и образование представляются комплементарными, но отнюдь не взаимозаменяемыми институтами. Несмотря на то, что СМИ дают быстрый эффект, именно образование – в силу своей инерционности и фундаментальности – срабатывает в долгосрочной перспективе.

Фасадность белорусской ресоветизации, реализованной институционально, но не мировоззренчески, связана с несколькими ключевыми обстоятельствами. Наиболее значимыми представляются следующие:

1) последовательная детальная публичная критика советской системы вскрыла не только ее недостатки, но и механизм действия, что сделало невозможным ее повторную имплементацию (ведь действие любой идеологии основывается на затемнении, политику и колбасу можно потреблять, лишь когда не знаешь, как они изготавливаются);

нара руководящих работников республиканских и местных государственных органов, Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь 2003, 8–9.

¹⁰ Там же, 46.

¹¹ Там же, 50.

¹² Новая Эуропа: о журнале [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://n-europe.eu/about>.

2) любые попытки заимствования целостного социокультурного комплекса без учета особенностей «культурной ситуации» реципиента априори обречены на провал – будь то модернизация, вестернизация или советизация. Невозможно искусственно герметизировать *перфорированное* (в силу глобализации и информатизации) социокультурное пространство. Люди, получившие образование в Северной Америке и Европе, Интернет и свободный доступ к разнородным информационным ресурсам делают невозможным построение Советского Союза в отдельно взятой стране «всерьез»;

3) имеет значение и поколенческий разрыв – появилось поколение, не жившее в СССР, прошедшее пусть и непродолжительный, но значимый этап национального возрождения начала 90-х. Это человеческий ресурс, на сегодня более полно заявивший о себе в Украине (Евромайдан начался именно со студенческих протестов), но являющийся потенциальной базой социальных изменений и в Беларуси.

Теоретизации идеологии в Беларуси: мейнстрим и альтернатива

Основным результатом исследования может быть сформулирован следующим образом: ***проблема идеологии в Беларуси воспринимается исключительно идеологически*** и фактически не фигурирует как тема *научных* исследований. На фоне существенного количества учебников, учебных пособий, реже – монографий, практически отсутствуют диссертационные исследования по данной проблематике. Исключение составляет докторская диссертация по политологии В.А. Мельника, защищенная в 2004 г. в контексте президентского запроса и отсутствия действующего «канона» (при этом сумевшая впоследствии стать частью такого «канона»), а также реализуемые ныне под руководством проф. В.А. Мельника диссертационные исследования его учеников в РИВШ и Академии управления при Президенте Республики Беларусь (в рамках признанной «парадигмы»). В противоположность этому два социально-философских диссертационных исследования по идеологической тематике, подготовленные в БГУ, не вполне соответствуют уже сложившейся к началу 2010-х гг. научной традиции и вследствие этого имеют сложную академическую судьбу. Так, исследование Н.А. Станкевич «Идеология как фактор консолидации и развития обществ переходного типа», успешно защищенное в спецсовете БГУ, получило отрицательную рецензию от экспертного совета ВАК. Исследование, посвященное критическому дискурс-анализу (одному из наиболее влиятельных течений современной западной теории идеологии), не дошло даже до этапа защиты, и возможность таковой вызывает существенные сомнения у автора (сформировавшего источниковую базу во время стажировки в Центрально-Европейском университете в Будапеште). Таким образом, сформулированная нами до полевых исследований гипотеза о развитии идеологической проблематики как сферы на-

учных изысканий вследствие ее конъюнктурности и наличного политического запроса не подтвердилась. Важно то, что сегодня упомянутый запрос на идеологию касается идеологической работы как разновидности *практической деятельности преподавателя*, при этом попытки научных теоретизаций идеологии блокируются как ненужные. Ключевое впечатление таково, что *«катехизис» белорусской идеологии написан, его нужно транслировать, а не трансформировать и подвергать сомнению*.

В ходе проведенных интервью были получены парадоксальные результаты касательно усвоения транслируемых идей. Ни одно из отмеченных звеньев академической идеологической цепочки не проявило интереса к *содержательному наполнению «идеологии белорусского государства»*. Так, «эксперты» относятся к данному предмету *конъюнктурно-инструментально*, пытаясь угадать запрос властных структур и максимально точно и полно его реализовать в карьерных целях. «Трансляторы» и «реципиенты» демонстрируют *ритуалистское* отношение к предмету, при этом ритуализм предстает формой эскапизма, когда явный протест невозможен и его заменяет выхолащивание содержания. Упрощая, это можно представить формулой: «Нужно – делаем», но при этом «не берем дурного в голову». Интервьюируемые продемонстрировали *слабое знание программных текстов и ключевых элементов* идеологии белорусского государства, что может быть проинтерпретировано как недоверие вербализируемому. Устойчивое ощущение, что идеологию государства определяет (а часто и формулирует) единолично Президент, формирует убеждение, что изучение учебников и прочих текстов – это ненужная казуистика, главное содержится «между строк».

Значимой частью проводимого нами исследования предстает выявление идей и авторов, фигурирующих в идеологическом дискурсе – с особым акцентом на рецепцию идей западных теоретиков. Стоит отметить, что наличный белорусский дискурс в этом отношении весьма *монотонен* – фактически легитимированы два основных сюжета из западной «академии». Первый – это концептуализация идеологии в контексте социологии знания К. Мангейма, «ставшей в 1990-е годы известной для белорусских обществоведов»¹³ и, по-видимому, наиболее удачно вписавшейся в апологетический дискурс идеологии. Второй – теоретический сюжет деидеологизации – реидеологизации, связанный с именами Д. Бэлла и его последователей, пренебрежительно обозначенный в методических рекомендациях к учебной дисциплине как «теории» – в кавычках, намекающих на квазитеоретичность данных построений¹⁴. Вероятно, представляется удачной демонстрация заблуждения американских теоретиков, поспешивших объявить «конец идеологии»

¹³ Т. Адуло: *Философские основания идеологии государства: учебно-методическое пособие*, Минск: Право и экономика 2011, 55.

¹⁴ В. Мельник, А. Куиш, М. Волнистая, В. Семенова: *Основы идеологии белорусского государства: Методические рекомендации для студентов и преподавателей высших учебных заведений*, Минск: РИВШ 2008, 10.

и впоследствии признавших непреходящую актуальность концепта. Что касается современных теоретизаций идеологии, они практически не представлены в белорусском дискурсе. Это может быть объяснено как определенной *закрытостью* социогуманитарной науки, весьма осторожно акцептирующей внешние идеи и сохраняющей теоретическую преемственность с наработками советского периода – на фоне повышенной недоверчивости к идеологическим воздействиям с Запада; так и *содержательной «неуместностью»* западных теорий, направленных на *критику* идеологических воздействий – в сфере образования (неограмшианство) и медиа (Бирмингемская школа).

Что касается альтернативного официальному мейнстриму дискурса, здесь репрезентативны наработки В. Фурса (ЕГУ). Симптоматично, что в работах указанного автора присутствует и проблема идеологии современной белорусской нации, и анализ современных концепций идеологии, но это *непересекающиеся теоретические линии*. В труде «Социально-критическая философия после “смерти субъекта”» представлен глубокий и профессиональный анализ идей Л. Альтюссера, С. Жижека, К. Кастириадиса и др., но автор будто *проскальзывает мимо* понятия «идеология», фокусируя внимание на неантропоморфности постмарксизма – в противовес «коммуникативно-теоретической» («хабермасианской») линии¹⁵. Рассматривая разнообразные импликации осуществленного теоретического сдвига, В. Фурс акцентирует антитеологическое переосмысление «историчности», переход от «модели сознания» к «медиальной модели», связанный с символическим конструированием субъекта, констатацией его «предпосылочности»¹⁶. При этом *понятие «идеология»* как ключевой для анализируемых авторов концепт остается *в зоне идеологического затемнения* (*méconnaissance*), *отложенной релевантности*. В свою очередь, проблема национальной идеологии в современной Беларуси осмысливается в *альтернативных терминах*: национальный проект, коллективная идентичность, версия коллективного «мы, белорусы»¹⁷. При этом официальный национальный проект признается *влиятельным*, что объясняется его позитивностью – тем, что это «проект счастья»¹⁸, а также отсутствием убедительных альтернатив. Вместе с тем отмечается, что предлагаемое счастье обманчиво, поскольку предполагает поддержку авторитарной власти, «подопечность» человека государству: «Лояльность нации как политическому сообществу свободных людей здесь подменяется лояльностью авторитарному государству; “настоящий белорус” – это послушный государственный житель, безоговорочный патриот лукашенковской

¹⁵ В. Фурс: Социально-критическая философия после «смерти субъекта» // *Сочинения*, Вильнюс: ЕГУ 2012, 52.

¹⁶ Там же, 52, 104.

¹⁷ В. Фурс: К вопросу о «белорусской идентичности» // *Сочинения*, Вильнюс: ЕГУ 2012, 52.

¹⁸ Там же. С. 110.

Беларуси»¹⁹. в качестве дееспособной альтернативы предлагается «инклюзивный гражданский национализм», альянс индивидов и групп – в противовес «эксклюзивному» этнокультурному национализму. Ключевую роль для автора играет свобода – очевидно, с кантовскими коннотациями совершеннолетия.

Возвращаясь к тематике нашего исследования, вероятно, для оппозиционных мейнстриму белорусских авторов *понятие идеологии оказалось дважды дискредитированным* – советским прошлым и белорусским настоящим. Явное избегание концепта даже в теоретическом поле, которому он имманентен, – на фоне демонстрации прекрасной осведомленности в наиболее актуальных теоретизациях (В. Фурс ссылается на самые свежие работы, большей частью еще не переведенные на славянские языки) – может свидетельствовать о повторном клеймении понятия «идеология». Это подтверждает наш общий вывод об *идеологизации дискурса идеологии в Беларуси* – по-видимому, свойственной и академическому мейнстриму, и оппозиции.

Заключение: смысловые узлы дискурса

Общее состояние идеологического дискурса в Беларуси точнее всего может быть охарактеризовано цитатой К. Гирца: «Один из небольших иронических поворотов современной истории – практически полная *идеологизация самого понятия “идеология”*»²⁰ (Гірц 2001: 227). Причем подобное отношение, делающее невозможным исследовательское дистанцирование и нейтральность, а следовательно, и уничтожающее идеологию как сугубо теоретическую проблему, свойственно практически всем акторам академического пространства. В свою очередь, социогуманитарное знание как таковое выполняет *сервильные функции*, обслуживая властные структуры. Проблематичен и сам статус этого знания, в котором потенциально ценной – сообразно задачам государственного строительства – считается его практическая часть, то, что может быть имплементировано в социально-политической сфере. В условиях подчинения научного этоса государственному номосу ключевым субъектом идеологического дискурса выступает Президент страны, чьи идеи и прямые цитаты тиражируются в разнообразных теоретических и методических разработках. Попытки самостоятельных концептуализаций вне официальной парадигмы блокируются. Существует широкий спектр возможных мер воздействия – от дискредитации научного продукта до исключения конкретных субъектов и институций, реализующих несоответствующие исследования. Среди проанализированных текстов «теоретического мейнстрима» наиболее современные идеи были выявлены в докладах А.Г. Лукашенко: в духе современного дискурс-анализа Президент отмечает значимость СМИ как идеологического инсти-

¹⁹ Там же.

²⁰ К. Гірц: *Ідеологія як культурна система // Інтерпретація культур: Вибрані есе*, Перев. Н. Комарової, К.: Дух і Літера 1993, 227.

тута²¹. А в цитате «Люди должны мыслить и критиковать, особенно в управлении до принятия решений... Но должны быть *реперные точки*, ограничивающие пространство свободы»²² улавливается параллель с точками стабилизации смысла, задающими целостность дискурсивной (и идеологической) формации и обеспечивающими основу intersubъективного консенсуса²³. Дело не в том, что А.Г. Лукашенко является последователем французской школы «автоматического анализа дискурса», а в том, что именно выступления Президента предстают подлинным *первоисточником*, содержащим оригинальные идеи и самостоятельные умозаключения – которые гуманитарии «при власти» ориентированы улавливать и теоретически обосновывать.

Белорусское государство, воспроизводя преемственность с советским, актуализирует сферу образования как основной идеологический аппарат государства (А. Грамши), при этом образовательный курс «Основы идеологии белорусского государства» является функциональным субституту советского курса научного коммунизма, центрирующего систему высшего образования в целом. Подобным образом современный учебный курс содержит мировоззренческие и методологические ориентиры для преподавания прочих дисциплин социогуманитарного цикла. Институциональная инкорпорированность идеологии в значительной степени снимает вопрос ее дисциплинарной принадлежности (актуальный для других постсоветских стран) – «как специфическая часть... курса *политологии*»²⁴ предмет предстает искомым компромиссом теории и практики, не проблематизирующим фундаментальные вопросы. Вместе с тем симптоматичны теоретические усилия философов в данном направлении²⁵. Монография представителя Главного идеологического управления Администрации Президента В.М. Михеева (доктора социологических наук, кандидата философских наук) может быть интерпретирована как попытка историко-философского обоснования государственной идеологии, вовлекающая широкий спектр философских идей – от Н. Бердяева до С. Хантингтона²⁶.

Значимым для понимания идеологической ситуации в Беларуси является исследование *реакции* «потребителей» идеологии, реципиентов идеологического продукта. Наблюдается психологический эффект *дистанцирования* от идеологии, *игнорирования* ее содержательного наполнения, недоверия к явному плану. Это может быть связано, в том числе, с психологическим механизмом защиты от ее воздействия. Автор, будучи полностью погруженной

²¹ А. Лукашенко: Беларусь..., 50.

²² А. Лукашенко: О состоянии..., 110–111.

²³ М. Pecheux: *Analyse automatique du discours*, Paris: Dunod 1969.

²⁴ Основы идеологии..., 8.

²⁵ Т. Адуло: *Философские основания...*; Н. Станкевич: *Идеология как фактор консолидации и развития обществ переходного типа*: Автореф. дисс... канд. философ. наук: 09.00.03, Минск: БГУ 2011.

²⁶ В. Михеев: *Идеология: размышления и выводы*. Минск: ОДО «Тон-пик» 2004.

в данное дискурсивное поле в течение нескольких дней, начала наблюдать резкое повышение собственной лояльности к белорусской идеологии («что-то в этом есть») – на фоне исследовательской дистанции и критического отношения к материалу, что может служить подтверждением вневолевого, подсознательного действия идеологии. Есть и содержательные основания, препятствующие безусловному акцептированию «официального курса», связанные с его «двойным дном», разрывом между декларируемым и имплицитным. Воспользуемся теоретической моделью, предложенной в практикуме по «Основам идеологии...»²⁷, согласно которой любая идеологическая система имеет явный и скрытый план, связанный с интересами социальных субъектов. Проблематичная действительность идеологии белорусского государства, на наш взгляд, обусловлена *диссонансом* обозначенных планов. Можно выявить несколько смысловых блоков, узловых для артикулируемой идеологии:

1) *яркие перспективы* белорусского государства («За сильную и процветающую Беларусь!», «Общество постиндустриального типа – стратегическая цель развития Беларуси»²⁸ – на фоне имплицитной *ретроспективной ориентации* по принципу «лучшее будущее – такое, как наше прошлое» (сохранение/восстановление советских институций, структур, топонимов советского периода);

2) *декларируемые либеральные ценности* (гражданское общество, идейно-политический плюрализм, права и свободы личности как «наивысшая ценность и цель белорусского общества и государства»²⁹) – на фоне *репрессивных практик*, «карманного» гражданского общества («Гражданское общество наше – не обрубки, разделяющие общество, не расчлененная социальная среда, а понятные и привычные для нас профсоюзы, Советы, молодежная организация БРСМ»³⁰);

3) акцентирование давних *традиций* и специфики *менталитета* белорусов (соборность, працавітасць) – на фоне *клеймения национализма* как фашизма с использованием пейоративного маркера «свядомые», лоббирования важности русского языка («Потеряем русский язык, будем нищими»³¹) и заявлений, что «исторически *первым реальным белорусским национальным* государством» была БССР³²;

4) утверждение политического *суверенитета*, независимой *субъектности* государства в международных отношениях – при параллельных заявлениях, что «Союзное государство Беларуси и России – форма реализации белорусской национальной идеи в условиях глобализирующегося мира»³³;

²⁷ Я. Яскевич, Д. Белявцева: *Основы идеологии белорусского государства: практикум*, Минск: БГЭУ 2006, 11.

²⁸ *Основы идеологии...*, 50.

²⁹ Там же, 19.

³⁰ А. Лукашенко: *О состоянии...*, 125.

³¹ А. Лукашенко: *О состоянии...*, 62.

³² *Основы идеологии...*, 15.

³³ Там же, 42.

5) дискурсивные *игры с субъектностью* белорусского народа, который де-юре признается «носителем и субъектом формирования национально-государственной идеологии»³⁴, а де-факто предстает реципиентом «идей, которые сформулировал для себя Александр Лукашенко»³⁵; симптоматична в данном контексте оговорка самого Президента: «Я смог окончательно определиться, в данном случае, *через референдум*»³⁶.

Наибольшей проблемой представляется то, что декларируемое светлое будущее, «проект счастья» (В. Фурс) никак не операционализируется – в отличие от советского «построения коммунизма к 1980-м годам» или более приземленного: «Каждая советская семья получит отдельную изолированную квартиру». Не выстраивается перспективная ориентация в будущее, которое выглядит как реставрация знакомого прошлого, проекция советского рессентимента Президента А.Г. Лукашенко. При этом нормативизация идеологии, граничащая с юридизацией морали, ограничивает свободу выбора: *прескрипция* *должного* не только на уровне действия, но и на уровне мысли содержит угрозу борьбы с инакомыслием, недавно обозначенным Президентом РФ В.В. Путиным термином из гитлеровской пропаганды «национал-предатели» (Nationalverräter). Важным представляется и то, что идентичность белорусского народа носит принципиально *объектный характер*: события ВОВ и Чернобыля как «нациообразующие факторы» подчеркивают страдательный, объектный характер общности. Травматические события, формирующие национальную память (синонимичные попыткам В.А. Ющенко объединить Украину через память о Голодоморе), не утверждают нацию в качестве *субъекта* исторических изменений, *инициатора* социально-политических импульсов. Символическая фиксация образа белорусов как «кроткого народа, живущего в печальной скудости в своей скорбной Беларуси»³⁷ или как «грустной и меланхоличной нации добрых людей, которые не приемлют революционных изменений в своем жизненном укладе, в стиле жизни вообще и в мышлении в частности»³⁸ – делает невозможной активную позицию нации как субъекта де-факто. В этом смысле представляется существенным символический сдвиг в национальном сознании украинцев, длительное время опиравшихся на феминный образ Украины как «згвалтованої наймички»³⁹ Катерины, – связанный с недавней символической кодификацией образа Небесной сотни как *субъекта национального действия*.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Р. Медведев: *Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели*, Москва: Изд-во ВВРГ 2010, 303.

³⁶ А. Лукашенко: *О состоянии...*, 16.

³⁷ А. Солженицын: *Как нам обустроить Россию*, Комсомольская правда, 8 сентября 1990 г.

³⁸ Цит. по: Медведев Р.А. Указ. соч., 7.

³⁹ Укр. – поруганной батрачки.